

Елена Голубь

Ткач Забвения. Рассказ

Елена Голубь

Ткач Забвения. Рассказ

«Автор»

2025

Голубь Е.

Ткач Забвения. Рассказ / Е. Голубь — «Автор», 2025

Горе может стать клеткой для живых и мертвых. Чтобы разорвать эти цепи, Элайра готова на все. Даже довериться таинственному Ткачу, духу из кельтских преданий, плетущему узоры из человеческих судеб. Но в мире, где правят древние законы равновесия, любая жертва может обернуться вечным проклятием.

© Голубь Е., 2025

© Автор, 2025

Елена Голубь

Ткач Забвения. Рассказ

Ткач Забвения

Пыль, поднятая машиной, медленно осела на придорожную траву. Элайра заглушила двигатель, и в салоне воцарилась глубокая тишина, какая бывает только в ирландской глуши. Она не сразу вышла, застыв за рулем и глядя на каменный дом под темной соломенной крышей. На фоне огромного неба, затянутого серыми облаками, он казался игрушечным.

Здесь всегда пахло влажной землей, дымом и чем-то неуловимо горьким – Сионнах называл это «дыханием вереска». Это был запах её детства.

Пальцы сами потянулись к сумке на пассажирском сиденье, коснувшись коробки с дорогим чаем из дублинского магазина. Глупость. Сионнах пил только свой собственный сбор – горький, терпкий напиток, от которого она в детстве морщилась. Теперь его некому было собирать. Коробка стала попыткой привезти с собой частичку привычного мира, но здесь, в Гленморской долине, она казалась чужеродной и бесполезной.

Элайре О'Брайен было двадцать пять, но взгляд у неё был потухший, будто от долгого созерцания одной точки. Таким он становится, когда человек годами носит в себе неподъемную тяжесть. Горе, тяжёлое как камень, сгорбило её плечи и поселило в глазах цвета морской воды несвойственную им суровость и вечную печаль. Рыжие волосы, обычно собранные в безупречную библиотечную причёску, сейчас были стянуты в небрежный хвост, откуда выбивались яркие пряди. Миловидное, по-девичьи мягкое лицо часто застывало в маске отстранённой задумчивости. Будучи реставратором книг, она привыкла тонкими, ловкими пальцами с облупившимся лаком на коротких ногтях возвращать к жизни ветхие страницы. Но сейчас эти умелые руки слегка дрожали, когда она нажимала на скрипучую железную щеколду калитки.

Дверь податливо поддалась, и Элайру обнял знакомый густой воздух – пахло древесной пылью, остывшим пеплом и сладковатой затхлостью непроветриваемого помещения. Дом будто выдохнул навстречу ей своё семилетнее затишье. Половицы под потертыми коврами скрипели на тех же самых, памятных с детства местах. Всё замерло в точности, как тогда: массивный дубовый буфет, пожелтевшие фотографии в рамах, чёрный зев холодного камина.

Она провела пальцем по столешнице, оставив на бархатной пыли чёткую тёмную полосу. «Надо бы убраться», – мелькнула в голове привычная пустая мысль. Но она знала – не сделает этого. Поддерживать здесь чистоту казалось кошунством – словно стереть тонкую плёнку, связывающую её с прошлым, уничтожить последние следы той жизни.

И всё же сегодня в привычной застывшей атмосфере витало что-то новое. Не просто тишина забвения, а настороженная, звенящая тишь. Казалось, дом не просто спал все эти годы, а затаился, прислушиваясь. Теперь, с её приходом, что-то нарушило его многовековой покой, что-то невидимое встрепенулось в углах, заставив пыль кружиться в солнечных лучах словно в тревожном танце. По спине пробежал холодный озноб. Элайра почувствовала – она не одна в этой тишине.

Она прошла в кабинет – святая святых Сионнаха. Здесь пахло особенно сильно: воском для дерева, старыми кожаными переплётками и его трубкой, так и оставшейся недокуренной. Элайра опустилась в его кресло с высокой спинкой, и оно приняло её форму с привычным поскрипыванием. На столе лежала рукопись – сборник местных преданий, который он не успел закончить. Рядом, на грубой льняной салфетке, покоилась серебряная брошь с трискелионом. Она забыла её здесь в день отъезда после похорон. Или оставила намеренно – как залог возвращения.

Взяв брошь в руки, она почувствовала холод металла. Вспомнилось, как он вручил ей этот подарок на шестнадцатилетие. Его большая шершавая рука полностью закрывала её ладонь. «Это символ движения, Лайра, – говорил он, используя домашнее прозвище. – Жизнь циклична. Всегда вперёд, даже если кажется, что движешься по кругу. Не превращай память в склеп. Мертвые должны уплывать, а наша тоска – слишком тяжёлый якорь».

Следовать этому совету оказалось невыносимо трудно. Ей казалось, стоит отпустить боль – и она предаст его. Перестанет горевать – и память померкнет.

Подойдя к окну и обхватив себя за локти, она смотрела на долину, пылающую осенними красками. Вдруг движение на опушке леса привлекло её внимание. Не птица, не зверь. Что-то высокое и очень худое мелькнуло между стволами древних дубов. Что-то в лохмотьях цвета тумана. Элайра замерла, вглядываясь, но там уже никого не было. «Листва, тень от облака», – попыталась убедить она себя, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Она поёжилась и потерла ладони, пытаясь согреть внезапно похолодевшие пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.